

различных классах общества, и нашим женщинам приходилось упорно бороться с родными и родителями, не понимавшими своих детей, с «обществом» как целым, ненавидевшим «эманципированную женщину», и, наконец, с правительством, которое прекрасно понимало опасность, какую будет представлять новое поколение образованных женщин для самодержавной бюрократии. Таким образом, в то время одною из первых необходимостей являлось, чтобы в людях того же поколения молодые борницы женских прав нашли настоящих помощников, а не такого рода слабников, о которых писала тургеневская героиня в «Переписке» (см. гл. IV). В этом направлении наши писатели-мужчины и одна женщина-писательница, Софья Смирнов («Огонек», «Сон земли», 1871 — 1872), оказали женскому делу большую услугу, поддерживая энергию женщин в их тяжелой борьбе и внушая мужчинам уважение как к этой борьбе, так и к тем, кто стоял в рядах борющихся.

Позднее в русской повести начинает преобладать новый элемент. Это был элемент «народнический», в котором выразилась любовь к массам трудящихся и проповедовалась работа между ними — с целью внести хоть искру света и надежды в их печальное существование. Опять-таки на долю беллетристики выпала в значительной степени поддержка этого движения; она вдохновляла молодежь к такой работе, образчик которой мы привели в предыдущей главе, говоря о «Большой Медведице». Многочисленные беллетристы работали в обоих указанных направлениях, и я лишь упомяну о Мордовцеве (в «Знамени времени»), Шеллере (писавшем под псевдонимом А. Михайлов), Станюковиче, Новодворской, Баранцевиче, Мачтете и Мамине, которые все, прямо или косвенно, работали в том же самом направлении.

Должно также принять во внимание, что борьба за свободу, начавшаяся около 1857 года, достигнув кульминационного пункта в 1881 году, на время затихла, и в течение следующих десяти лет русскую интеллигенцию постигли полное истощение и усталость. Вера в старые идеалы, в старые боевые девизы, даже простая вера в людей разрушались, и в искусство начали проникать новые тенденции, отчасти под влиянием указанной нами фазы русского революционного движения, а отчасти под влиянием Западной Европы. Преобладало чувство утомления. Вера в науку была потрясена. Социальные идеалы ушли на задний план. «Ригоризм» осуждался, «народничество» считалось чем-то смешным, и когда оно появилось снова, то на этот раз было облечено в религиозную форму толстовщины. Вместо прежнего энтузиазма к «человечеству» провозглашены были «права личности», причем это не были права, равные для всех, но лишь права немногих, хотя и в ущерб всем остальным.

В таком хаосе социальных понятий — в такое «безвременье» — пришлось развиваться нашим беллетристам, всегда стремившимся отразить в своих произведениях вопросы дня, и эта неопределенность понятий стояла на пути их стремлений создать нечто столь же законченное и цельное, как произведения их предшественников в прошлом поколении. Общество не давало вполне законченных типов, а истинный художник не может изобразить нечто несуществующее.

Даже такой субъективный художник, как Вс. Гаршин (1855—1888), пронесшийся притом как метеор в русской литературе, может служить подтверждением сказанного. Его чудную, мягкую, поэтическую натуру сломили противоречия жизни, слагавшиеся в те годы.

Он был родом из юго-западной России, учился в Петербурге и девятнадцати лет поступил уже в горный институт. С раннего возраста он отличался чрезвычайной впечатлительностью, читал очень много и еще до окончания гимназического курса находился одно время в психиатрической лечебнице. Восстание славян в 1876 году и война 1877 года выбили его из колеи. Он, критически относившийся к войне, рвался к восставшим сербам, и, как только война с Турцией была объявлена, в апреле 1877 года, он решил, что его святая обязанность — нести вместе с народом всю тяжесть надвинувшейся грозы и бедствий. Он немедленно записался вольноопределяющимся, поехал в Кишинев и через несколько дней уже выступал в поход со своим полком, который направлялся к Дунаю. Гаршин сделал весь поход пешком, отказываясь от всяких льгот, предлагавшихся ему офицерами.

Во время самой войны он написал первый свой замечательно художественный рассказ «Четыре дня» (раненого), который сразу обратил внимание на молодого писателя. В августе он был уже ранен: ему прострелили ногу. Рана долго не заживала, и он выбыл из строя. Он вернулся в Петербург, поступил в университет и стал серьезно готовиться к литературному поприщу.

В эти годы им написано было несколько рассказов, до того художественно построенных и так поэтически, что в этом отношении их приходится сравнивать только с рассказами Тургенева и отчасти Короленко. Но при мягкой, впечатлительной, нервно-отзывчивой натуре Гаршина каждое из его литературных произведений написано было кровью и слезами. «Хорошо или плохо выходило написанное, — говорил он в одном письме, — это вопрос посторонний: но что я писал в самом деле одними